

УДК 787

Оседлый образ жизни как основа христианизации коренных жителей Алтая в XIX веке

Каллистрат (Романенко)

Епископ

Управляющий Горноалтайской епархией,
649002, Российская Федерация, Республика Алтай, Горно-Алтайск, ул. Матросова, 5;
e-mail: eparhia.gorniyaltay@gmail.com

Крейдун Георгий (Юрий) Александрович

Протоиерей

Доктор искусствоведения, кандидат богословия, профессор,
проректор по учебной части Барнаульской духовной семинарии,
656025, Российская Федерация, Барнаул, просп. Ленина, 17/56;
e-mail: krey70@mail.ru

Аннотация

До середины XIX в. большинство коренных жителей Горного Алтая вело кочевой образ жизни. Поэтому такие достижения цивилизации, как образование, медицина, знакомство с элементарными нормами гигиены были большинству из них недоступны. Ситуация стала меняться с образованием в 1830 году Алтайской духовной миссии. При крещении коренным образом менялся образ жизни новокрещеных алтайцев. Алтайская миссия помогала им обзавестись постоянным жильем и скотиной. Для ограждения от враждебного и порой агрессивного влияния языческой среды крещеные инородцы селились отдельно. Таким образом появлялись первые на Алтае селения. Если в 1845 г. их было всего 3, то в 1916 г. – 434 селения.

Для цитирования в научных исследованиях

Романенко К., Крейдун Г.А. Оседлый образ жизни как основа христианизации коренных жителей Алтая в XIX веке // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 107-120.

Ключевые слова

Алтайская духовная миссия, крещение, формирование оседлости, миссионерское селение.

Введение

По воспоминаниям путешественников, посещавших юг Западной Сибири в первой половине XIX века: «Калмыки обитают во внутреннем Алтае и, кажется, с намерением отдаляются от селений россиян, с которыми, впрочем, они имеют торговлю, состоящую большей частью в обмене товаров. Они ведут кочевую, пастушескую и охотничью жизнь; платят подать звериными шкурами, как и телеуты. Русские здесь занимаются земледелием и горным промыслом. Более зажиточные – также земледелием и торговлей, иногда коневодством и пчеловодством» [Скубневский, 2005, 97].

Протоиерей Стефан Ландышев указывал, что «в Бийском и Кузнецком округах оседлых инородцев 9967 душ обоего пола; кочевых, кроме двоеданцев и киргиз, коих число официально не определено, считается 24 290 душ обоего пола, а с двоеданцами и киргизами примерно 26 300 душ. А вообще оседлых и кочевых в обоих округах примерно до 36 467 душ... В Бийском округе почти все некрещеные кочевые инородцы в собственном смысле ведут кочевую жизнь, в юртах из бересты и лиственничной коры; есть и войлочные, и не живут обществами, кроме племени Тогульцев и кумандинцев, которые хотя живут Улусами, в бревенчатых юртах и избах, но порядочного домоводства не имеют... Большая часть ведущих кочевую жизнь инородцев бедны и получают продовольствие от звериных промыслов и кедровых орехов; исправные же более от скотоводства...»¹. Понятно, что кочевой образ жизни не способствовал созданию высокой культуры и устроенности быта жителей Алтая. Они не знали в большинстве своем ни образования, ни медицины, ни, порой, элементарных средств гигиены. Не было у них и постоянных поселений, лишь у некоторых народностей встречались постоянные зимние стоянки.

Формирование оседлого образа жизни у кочевников Алтая на первоначальном этапе деятельности миссии (1830–1865 годы)

10 декабря 1828 года Святейший Синод «имел разсуждение» об «умножении способов к распространению и утверждению христианской веры Господствующего в Российской Империи Восточно-Кафолического Греко-Российского исповедания <...> в тех частях государства», где проживают народы, «не познавшие христианства», или, (что особенно подчеркивалось на заседании) «не довольно в оном утвержденные и наставленные»². На заседании отмечалось, что «обращенные в прежних годах в христианскую веру» часто не имеют правильного представления о Православии, а иногда и совсем отступают от Церкви. И происходит это по следующим причинам:

1 Записка о церковной Алтайской миссии протоиерея Стефана Ландышева священнику Александру Сулоцкому / ГАТОТ. Ф. 144, Александр Сулоцкий. Д. 44а.

2 РГИА, Ф. 797, Оп. 3, Д. 12652 Л. 1.

1) приходское духовенство не всегда может достаточно наставить обращенных из язычества, так как «не довольно» подготовлено к особенностям такого служения;

2) новообратившиеся продолжают жить в иноверческих селениях вместе с язычниками и, будучи не твердо наставленными в вере, легко отпадают от Православия;

3) для исправления такой ситуации Святейший Синод решил восстановить миссионерское служение, для чего предписано было «войти, по сему предмету, в ближайшия соображения» и найти лиц из духовенства, способных и ревностных к миссионерскому служению.

Вскоре был найден «способный и ревностный к служению миссионерства» архимандрит Макарий (Глухарев) – основатель Алтайской Духовной Миссии. Приехав на Алтай в 1830 году отец Макарий начал кропотливый труд христианского просвещения по разным направлениям: крещение, привитие грамотности, воспитание, благотворительность, административно-организационные инициативы, приобщение местного коренного населения к ценностям оседлого образа жизни.

В чем заключалась специфика миссионерского подхода в формировании оседлости у кочевников Алтая? Основатель Алтайской миссии, архимандрит Макарий (Глухарев), многое делал для приведения алтайцев к оседлости и благоустройства их быта. Он не довольствовался крещением и научением истинам христианства. Каждого новокрещенного, как семьянина, архимандрит старался обзавести или домиком, или скотиной, или земледельческими орудиями, соотнося со скудными средствами Миссии. Селил кочевых алтайцев поближе к стану и приучал к оседлой жизни. Исходатайствовал для новокрещенных, живущих в Бийском округе, освобождение от включения их в состав крестьянских волостей. Алтайцы оставались по-старому в ведении особой инородческой волости, что освобождало их от некоторых трудноисполнимых крестьянских обязательств перед властью. Впрочем, архимандрит Макарий был постоянным ходатаем и перед гражданской, и перед духовной властью, как «отец за чад своих, рожденных им в духовную жизнь»³.

Вместе с крещением и получением грамоты менялся образ жизни, «инородцы» приобретали новые для себя навыки ведения домашнего хозяйства, земледелия и хлебопашества. Это также способствовало распространению среди коренного населения оседлости. Успешность в ведении домашнего хозяйства требовала большого количества усилий, ведь большинство работ выполнялось вручную. Нужно было многое узнать, освоить хозяйственные навыки. Все это было достаточно трудно для коренного населения, преимущественно кочевников. Со временем миссионеры и русские крестьяне-переселенцы смогли в значительной степени распространить среди новокрещенных обычаи крестьянской жизни, в частности, зерноводства и огородничества. Все чаще среди коренных жителей стали появляться энергичные люди, которые, осваивая оседлость, заводили обширные хозяйства. В одном из отчетов мьютинского миссионера упомянут, например, первый в Мьюте алтаец, который начал использовать косу-литовку. Это был новокрещенный телеут Андрей Майрык. Такие косы стали появляться

3 3. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5. Л. 12, 12 об.

в Сибири и, в частности, на Алтае лишь в начале 1860-х годов. До этого как русские, так и немногие калмыки косили сено горбушами (несколько вытянутый серп). Упомянутый телеут купил себе литовку в Бийске и научился ею владеть. По возвращении домой он стал ездить по кочевьям и за вознаграждение косить траву калмыкам. Такая деятельность приносила хороший доход особенно в тех местах, где не знали даже горбуш и резали траву ножами.

Присутствие крестьянского населения на территории Горного Алтая в исследуемом вопросе имело ряд положительных черт. Наличие зажиточных крестьянских хозяйств способствовало развитию материального быта новокрещенных. В регион стало завозиться большое количество товаров, появлялись более развитые способы обработки земли и других форм ведения оседлого хозяйства. Вместе с тем развивались, хотя и медленно, транспортные коммуникации. С возникновением, например, деревни Шебалино (на Чуйском тракте) появилась возможность ездить по торной дороге до Онгудая в телегах и санях. Стоит сказать, что в 1850-е годы там было только две телеги: одна – у миссионера, другая – общественная.

Малоизвестно, что преимущества оседлого образа жизни перед кочевым осознавали некоторые некрещенные зайсаны. В их числе зайсан Боробош, который поставил перед собой задачу доказать, что кочевников можно привести к оседлому образу жизни, не обращая их в христианство. Иными словами, без помощи миссионеров. Для этого он фактически насильно устроил деревню из некрещеных алтайцев. Отвечая на этот жест зайсана, начальник Миссии в 1870 году писал: «Неужели цель миссии в устройстве оседлости, а в оседлости верх совершенства жизни человеческой?» [Алтайская духовная миссия..., 1872, 275]. Но, действуя таким образом, Боробош неоднократно превышал полномочия зайсана, проявлял насилие над жителями. В итоге Боробош был отстранен от обязанностей зайсана, а на его место избран новокрещенный Митрофан Каташев. В дальнейшем, благодаря проповеди Михаила Чевалкова, бывший противник Миссии Боробош вместе со своей семьей принял Таинство Крещения с именем Александр и фамилией Казагашев, возможно, такова была фамилия его крестного отца. Таким образом, миссионеры были чужды искусственной интенсификации воспитания оседлости. Об этом свидетельствует, в частности, мнение начальника Миссии архимандрита Владимира (Петрова): «принудительные меры к перемене образа жизни, кочевому быту на оседлый не только были бы бесполезны, но и фактически для миссии невозможны» [Миссионерство на Алтае..., 1886, 47]. Это соответствует и статистическим данным. В 1870 году из пяти тысяч новокрещенных более 1500 из них еще сохраняли кочевой образ жизни. Иными словами, христианизация в понимании алтайских миссионеров не отождествлялась с оседлостью.

После крещения, приучая бывших кочевников к оседлости, Миссия обычно оказывала необходимую благотворительную помощь новокрещеным. «Бедным при крещении выдавалось белье, необходимая одежда, несколько мер ячменя на пропитание, домик, иногда – лошадь, корову, необходимые земледельческие орудия и семена для первоначальных посевов» [Ястребов, 1898, 167]. Некоторые новокрещенные с паразитизмом начинали относиться к благотворительной помощи. Тогда архимандрит Владимир (Петров) учредил новокрещен-

ские приходские попечительства, которые, состоя из лучших новокрещеных, собирали бы сведения о подлинно нуждающихся и оказывали пожертвования. Таким образом, попечительство узнавало о нуждающихся и осмысленно распределяло пособия; а также положительно влияло на неофитов, подавая пример братской взаимопомощи. Попечительство также помогало бороться с пьянством, ленью и другими пороками.

На первых порах помощь оказывалась безвозмездно – покупка лошади, коровы, семян для посева, к праздникам – самым нуждающимся – мяса. Позднее стали давать в долг, и «опыт научил, что такие именно пособия больше ценятся, нежели безусловно дарованная милостыня. Возвращение займов было исправное; мало того возвращавшие долг от себя прибавляли некоторую лепту на пособие другим, подобно им, нуждающимся» [Ястребов, 1898, 208]. Дела благотворения при архимандрите Владимире (Петрове) из случайных разовых превратились в постоянные добровольные обязательства.

В числе наиболее действенных мер по воспитанию оседлости следует назвать практику создания новых селений для новокрещеных алтайцев. Здесь миссионеры приучали кочевников к строительству изб, огородничеству, пчеловодству; женщин приучали к ведению домашнего хозяйства. Расселение в миссионерских селениях носило добровольный характер.

За время начальствования протоиерея Стефана в ведении Миссии имелось 22 селения новокрещеных. Вместе с созданием селений строились храмы, молитвенные дома, открывались новые миссионерские отделения-станы. Если при архимандрите Макарии был один постоянно действующий миссионерский стан, то к середине 1860-х гг. существовало уже восемь отделений: Улалинское, Мыютинское, Чемальское, Макарьевское, Черно-Ануйское, Кузнецкое, Кебезеньское, Урсульское.

Переход на оседлость алтайцев в середине XIX – начале XX века

При третьем по счету начальнике Миссии – архимандрите Владимире (Петрове, 1865-1883 гг.) – процесс образования новых селений и станов продолжался. В частности, были открыты Чуйский, Чульшманский и Мрасский станы Алтайской миссии. Не менее значимая заслуга архимандрита Владимира в активном храмостроительстве. Самой значительной стройкой тех лет явилась церковь в центре Миссии – Улале. Так сложилось, что с обустройством главного миссионерского стана Улала стала играть роль своеобразной столицы – центра Духовной миссии. С тех пор в Улале проживали представители всех алтайских племен Бийского и Кузнецкого округов. Сюда сходились со всех уголков Алтая кочевые язычники и при помощи миссии оставались здесь для оседлой жизни. Даже во второй половине XIX века, когда открытыми были и другие станы Миссии, язычники по-прежнему, приходили в Улалу для того, чтобы, крестившись, остаться в каком-либо из близлежащих селений. К тому же в Улале было легче пропитаться и избежать неприятностей от некрещеных родственников.

Как образовывались новые миссионерские селения. Основой для создания компактного поселения новокрещеных в самостоятельных миссионерских селениях служили станы Алтайской миссии. С увеличением количества новокрещеных, расширением географии их происхождения стало необходимым создавать селения по всему Горному Алтаю. В последнее десятилетие в критической литературе и публицистике утвердился ряд предубеждений относительно деятельности миссионеров по обустройству миссионерских селений и, как следствие, приучения кочевников к христианскому образу жизни.

Поэтому необходимо подробнее изучить, как создавалась структура территориального устройства и миссионерских селений Алтайской миссии. Следует отметить, что было объективно необходимым отселять новокрещеных от их родственников-язычников. Нередко принятие крещения вызывало крайне негативную реакцию среди ближайших родственников. Совместное проживание отрекшихся от «отеческой веры» (язычества) с родственниками язычниками становилось просто невозможным из-за сильного морального давления на новокрещеных. И тогда те искали поддержку у миссионеров, и, несомненно, получали ее. Для новокрещеных священники строили русские избы. Обычно, место указывалось или самими новокрещеными или миссионерами. Во избежание конфликтов обычно использовались свободные земли вне кочевых стойбищ. Для того чтобы снизить влияние некрещеных родственников, миссионерское селение должно было быть достаточно далеко от кочевий. Так, к примеру, в 1850-х годах было основано селение Тюдрала. Новокрещеный алтаец после строительства избы попросил иеромонаха Акакия поставить православный крест у новой избы. Миссионер установил выбранное место, установил крест. «Нарекалось новому селению имя, большей частью по речке или урочищу, или оставлялось прежнее, если таковое было. Крест играл то же значение, что и церковь при станах» [Миссионерство на Алтае..., 1886, 48]. Рядом с первыми жителями селились другие новокрещеные. В начале, оказывалась помощь от Миссии, а потом на собственные средства новокрещеные строились и объединялись. Для административного управления избирали из своей среды десятника, а позднее и старшину. После этого можно считать, что миссионерское селение вполне организовано, и волостное начальство выдавало сельскую печать.

Некрещеные могли делать попытки подселиться на это место. Так, в частности, было в Тюдрале. Однако сами жители резко препятствовали этому и, в результате было выработано положение о запрете селиться некрещеным в радиусе пяти километров от креста – центра миссионерского селения [Яблонский, 1903, 129].

При ограниченности благоприятных для хозяйствования земель в гористой местности не могли не возникать конфликтные ситуации. Во-первых, выселению из миссионерского селения подлежали те алтайцы, которые грубо нарушали христианский образ жизни и тем разлагающе действовали на остальных новокрещеных. Это выносилось на суд священника-миссионера. Однако, по утверждению Яблонского, такое право часто брали на себя ново-

крещеные. Во-вторых, конфликты возникали и в тех случаях, если селения оказывались на пути привычных кочевий. Такая проблема, в частности, возникла с созданием Чулышманского монастыря. Однако для чулышманцев это было не настолько обременительно, чем возможные конфликты с крестьянами-старообрядцами, которые заняли Чулышманскую долину, если не было бы здесь создано монастыря. Земельные притеснения со стороны крестьян-старообрядцев являлись наиболее сложной проблемой для алтайцев. Миссионеры в этом случае становились на защиту коренного населения. Так, например, архимандриту Владимиру (Петрову) пришлось прибегать к светским властям для того, что сдержать темпы расселения крестьян-старообрядцев по берегам Катуня в районе Чопоша [Записки алтайского миссионера..., 1872, 175].

Бывали и неудачные попытки организовать миссионерские селения. Это происходило тогда, когда миссия строила домики для новокрещеных и селила в них беднейшие семьи. Но со временем по «недозрелости» обитателей к такой жизни домики были оставляемы, а места фактически оставались незаселенными. Причины таких происшествий святитель Макарий (Невский) видел в следующем: «1) априорные суждения не всегда удобоисполнимы; 2) что дается легко, то мало ценится и 3) не следует идти с материальной помощью навстречу тем, кто не сознает своей нужды, хотя бы и действительной» [Миссионерство на Алтае..., 1886, 48].

При этом были обстоятельства, которые косвенно стимулировали желание новокрещеных селиться в миссионерских селениях. Первое: весьма частым явлением был отказ родственников-язычников от связей с новокрещеным. Принятие крещения для молодого человека, например, могло привести к потере места проживания, наследства, средств к существованию. В таких случаях, материальная помощь миссии становилась единственной возможностью выжить. Второе: беднейшие семьи, принимавшие крещение вместе, получали возможность обзавестись более обширным хозяйством, поэтому проживание в миссионерском селении становилось предпочтительнее. Третье: ряд новокрещеных семей селился в миссионерских селениях, поскольку таковые, как правило, заводились на землях, удобных для пахоты, сенокосения и пастбищ. Это гарантировало определенную защиту от посягательств на землевладения и также стимулировало оседлость. Еще один существенный фактор оседлости коренных жителей стал актуальным на рубеже веков - это стремление к цивилизации. Таким образом, оседлый образ жизни постепенно стал преобладающим на юге Западной Сибири.

Стоит добавить, что и после этих преобразований положение новокрещеных, перешедших к оседлому образу жизни, в материальном отношении было менее выгодным, чем у их кочевых сородичей. Ведь с развитием инфраструктуры целый перечень обязательств ложился на плечи жителей миссионерских селений и русских деревень, а именно: на содержание земских квартир, на содержание писарей, на поправку дорог, постройку и поддержку мостов, создание ледянок для скоропостижно умерших и т. д.

Однако были и более существенные трудности, осложнявшие обращение алтайцев к христианству и оседлому образу жизни. Одной из важнейших архимандрит Владимир (Петров) считал существующее языческое административное управление [Владимир, О миссиях..., 1883, 279]. Ранее сложившаяся система инородческих волостей, к которым приписывались новокрещенные, как правило, возглавлялись некрещеными зайсанами. Зайсаны были наследственные. Потребовалось довольно продолжительное время, чтобы система наследственной передачи полномочий волостных зайсанов была преобразована в избирательную. До установления данной системы действия некрещеных зайсанов носили откровенно враждебный характер по отношению к крещеным и противодействовали распространению христианства [Макарий, 1891, 50]. Противодействие проявлялось в различных формах. Например, физические истязания над желающими креститься. Если же крещение удавалось принять, то таковых возвращали на отдаленные стойбища и держали безвыходно по нескольку лет, тем самым, доводя до забвения христианских истин. «Заставляли есть идоложертвенное; позволяли себе в присутствии новокрещенных смеяться над принятой ими верой, кощунствовать над иконами, угрожать разорением церкви; разлучали супругов, отбирали у мужей жен, крестившихся лишали общественных должностей, отбирали у них имущество; жестоко наказывали розгами или нагайками; морили голодом; подвергали пыткам до уродования рук и ног; бывали случаи убийства новокрещенных и захвата их имущества; взыскивали с новокрещенных лишние подати; на жалобы не реагировали» и т. д. [Макарий, 1888, 11]. Стоит отметить, что подобные проблемы возникали не на всей территории деятельности Миссии, а преимущественно в центральной и южной части Горного Алтая. Кроме того, новокрещеным, как их некрещеным сородичам-кочевникам земельных наделов не выделялось, а выделялась земля в местах кочевий на всех сразу. В таком случае некрещеное большинство значительно ущемляло землепользование новокрещенных.

К 1880-м гг. вся крайне рассеянная в территориальном отношении паства Миссии была отнесена к различным типам населенных пунктов: миссионерских селений, деревень и айлов с проживанием новокрещенных. Их общее количество по данным клировых ведомостей таково: в 1845 г. – 3 селения, в 1864 г. – 22 селения, в 1884 г. – 95 селений, 1898 г. – 223 селения, в 1916 г. – 434 селения. Необходимо подчеркнуть, что создание новой системы административного устройства «инородцев» Алтая служило, главным образом, одной цели – упрочению среди новокрещенных оседлого образа жизни. Кочевнику практически невозможно было исполнять в полной мере христианские заповеди и, что не менее важно, кочевник значительно менее защищен от капризов сложного горного климата, чем ведущий оседлый образ жизни.

В каких обстоятельствах осуществляла работу Алтайская миссия? Объективно оценивая работу миссионеров, необходимо подчеркнуть, что столь значительные результаты были достигнуты: 1) в достаточно короткий срок (около 70 лет); 2) при отсутствии

стабильного финансирования (преимущественно благотворительные средства); 3) в отсутствии целенаправленной государственной или церковной программы; 4) на территориях с низкой плотностью населения; 5) при отсутствии всепогодных путей сообщения и иной инфраструктуры; 6) при неблагоприятных климатических и социальных условиях; 7) при недостатке не только квалифицированных кадров, но и рядовых штатных сотрудников.

Преодоление разнообразных препятствующих факторов стало возможным во многом благодаря колоссальной личной инициативе руководства и сотрудников Миссии. Однако даже предельная самоотдача приезжего русского духовенства не имела бы столь существенных последствий, если бы не удалось наладить взаимный продуктивный контакт с местным населением на основе взаимного уважения. Выходцы из новокрещеных со временем стали занимать самые различные должности – от переводчиков, иконописцев до священнослужителей. К началу 1910-х гг. местное население занимало 75% штата Миссии. В итоге сформировалась заинтересованность местного населения в храмостроительстве, развитии системы школьных и социальных миссионерских учреждений.

Еще один немаловажный аспект. Появление Миссии, школ, храмов и молитвенных домов сделало доступным духовное развитие для женщин. В условиях кочевого быта на женские плечи ложится основная нагрузка хозяйственных забот. Обращение в христианство предоставляло женщинам возможность участвовать в богослужениях, духовных беседах, а также обучаться грамоте. Как говорит статистика, именно женщины и проявляли наибольший интерес к молитве и просвещению. Это и понятно. Обремененные домашними заботами, они в большей мере требовали духовного утешения и удовлетворения в молитве и религиозной практике. Таким образом, новокрещеные женщины получили возможность заниматься не только бытовыми семейными делами, но и «душой», что является важным достижением алтайского общества в процессе перехода от кочевого к оседлому образу жизни на основе христианского мировоззрения.

Таким образом, можно констатировать, что все сделанное Алтайской миссией, сделано прежде всего силою нравственного влияния – советами, разъяснениями и убеждениями. Разумеется, не последнюю роль играла материальная посильная помощь новокрещеным в организации быта, обустройстве оседлого образа жизни, которая часто оказывалась за счет личных средств миссионеров.

Какие черты современного быта коренных алтайцев можно было бы отнести к плодам деятельности Алтайской миссии?

1) Благоговение к храму: место святое, даже если храм разрушен, входить в храм можно только в чистой одежде и тщательно вытерев ноги. Иконы и духовные книги воспринимаются как особенные святыни.

2) Обустройство кладбищ и поминания предков. В миссионерской практике первичными оказывались молитвенные здания, вокруг которых устраивались захороне-

ния. Очевидно и то, что в приписных селениях из-за их территориальной удаленности миссионеру не удавалось лично присутствовать в момент погребения умерших, поэтому и места захоронения выбирались без согласования с ним. В таких случаях, предпочтение отдавалось земле освященной, которая, по убеждению новокрещеных, находилась в непосредственной близости к молитвенным домам и часовням. В центрах же миссионерских отделений, где штатно проживали миссионеры, организовывались учебные и благотворительные учреждения, местные кладбища организовывались на достаточном удалении от населенного пункта и стана, что соответствовало законодательным нормам.

3) В усадьбе два жилища – летнее и зимнее. Летнее – аил с открытым очагом, иногда без (из разных материалов, в том числе и современных, в зависимости от достатка семьи). Зимнее – теплый дом с печью. Обстановка вполне крестьянская. Летом практически не используется и содержится в чистоте.

4) Способы ведения хозяйства – огородничество, пользование плугом, литовкой, заготовка и скирдование сена.

Заключение

В современных научных публикациях роль миссионерской деятельности Русской православной церкви в целом и Алтайской духовной миссии, в частности, оценивается по-разному. Но нам наиболее близко мнение Е.В. Литягина: «реалии сегодняшнего дня вскрывают тенденциозность этих интерпретаций. Именно Алтайская духовная миссия заложила основу гуманизма, терпимости и миролюбия во взаимоотношения русского и алтайского народа... Сравнительно-сопоставительный анализ подобных процессов в мире свидетельствует об отсутствии на Алтае расовой дискриминации, апартеида, рабства, резерваций, колоний и т. п.» [Литягин, 2002, 55].

Таким образом, миссионерская деятельность на юге Западной Сибири не преследовала цели духовного и физического порабощения алтайского этноса, а стремилась приобщить его к социокультурным ценностям всего многонационального государства, в состав которого он вошел. Некоторые исследователи считают, что активное формирование национального самосознания происходило не благодаря деятельности Миссии, а вопреки ей, как инстинктивная реакция на внешнее вмешательство. Мы же считаем, что «христианское просвещение» инициировало многоплановый культурный диалог русского и местных этносов. Здесь мы согласны с точкой зрения видного ученого современности академика Д.С. Лихачева, что культурный диалог является ведущим условием саморазвития культурной системы: чем больше у культуры внутренних и внешних связей с другими культурами, тем богаче она становится, тем выше поднимается в своем историческом развитии [Лихачев, 2006, 50].

В этом видится конструктивная культуuroобразующая роль миссионерской деятельности православной церкви на юге Западной Сибири. В целом, XIX век явился важным этапом на историческом пути алтайского народа, в течение которого завершился процесс преобразования Горного Алтая в часть Российской Империи с ее законами и порядками. Задача Алтайской миссии – привнесение культуры в алтайский народ без его ассимиляции русскими переселенцами – была выполнена. Со временем коренные народы Алтая достигли достаточно высокого уровня культурного развития и на равных правах стали частью Российской державы, и важнейшей вехой на этом историческом пути стал переход этнических алтайцев от кочевого к оседлому образу жизни.

Библиография

1. Алтайская духовная миссия в 1870 г. Предварительные сведения // Сборник сведений о православных миссиях и деятельности православного миссионерского общества. Кн. 2. М.: Изд-во В. Готье, 1872. 782 с.
2. Владимир (епископ Бийский). О миссиях Томской епархии Алтайской и Кигизской в 1882 году // Томские епархиальные ведомости. 1883. № 10. С. 274-298.
3. Записки алтайского миссионера за 1866 год архимандрита Владимира / Сборник сведений о православных миссиях и деятельности православного миссионерского общества. Кн. 1. М.: Изд-во В. Готье, 1872. С. 175-226.
4. Литягин Е.В. Идеологическая составляющая Алтайской духовной миссии и ее интерпретации // Бабин В.Г., Носов С.К. (ред.) Макарьевские чтения. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2002.
5. Лихачев Д.С. Великая культура примирительна по своей сути // Запесоцкий А.С. (ред.) Университетские встречи. 16 текстов. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 50-55.
6. Макарий. Отчет о Миссиях Томской епархии – Алтайской и Киргизской – за 1890 год. Томск: Изд-во Дома Трудолюбия, 1891. С. 1-56.
7. Макарий. Отчет об Алтайской и Киргизской Миссиях за 1887 год. Томск: Изд-во Дома Трудолюбия, 1888. 38 с.
8. Миссионерство на Алтае и Киргизской степи в 1885 году. Томск: Изд-во Дома Трудолюбия, 1886. 94 с.
9. Скубневский В.А. (сост.) Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков: в 4 кн. Барнаул: Изд-во АКУНБ, 2005-2014. Т. 1, 2005. 446 с.
10. Яблонский Н.В. Путеводитель по Горному Алтаю. Томск: Изд-во А.А. Левенсон, 1903. 172 с.
11. Ястребов И. Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир Архиепископ Казанский и Свяжский. Казань: Изд-во Императорского Университета, 1898. 416 с.

Settled lifestyle as a basement of Christianization of Altai aboriginal people in the XIX century

Kallistrat (Romanenko)

Bishop,

The administrator of the Gorno-Altai diocese,
649002, 5 Matrosova st., Gorno-Altai, Altai Republic, Russian Federation;
e-mail: eparhia.gornyaltay@gmail.com

Georgii (Yurii) A. Kreidun

Archpriest,

Doctor of Arts, PhD in theology, professor,
Vice-rector for the academic part of the Barnaul theological seminary,
656025, 17/56 Lenina av., Barnaul, Russian Federation;
e-mail: krey70@mail.ru

Abstract

Until the middle of the XIX century, the majority of the indigenous inhabitants of the Altai Mountains led a nomadic way of life. Therefore, such achievements of civilization as education, medicine, acquaintance with the elementary norms of hygiene were not available for most of them. The situation began to change with the formation in 1830 of the Altai spiritual mission. The way of life of the newly baptized Altai changed radically. The Altai mission helped them to acquire permanent housing and cattle. To protect themselves from the hostile and sometimes aggressive influence of the pagan environment, baptized non-Russians settled separately: these were the first villages appeared in the Altai. If in 1845 there were only 3 of them, in 1916 – 434 villages. Missionary activity in the south of Western Siberia did not pursue the goal of spiritual and physical enslavement of the Altai ethnos, but sought to integrate it into the socio-cultural values of the entire multinational state in which it entered. The authors believe that "Christian enlightenment" initiated a multifaceted cultural dialogue between Russian and local ethnic groups. In general, the XIX century was an important stage on the historical path of the Altai people, during which the process of transformation of the Mountain Altai into a part of the Russian Empire with its laws and procedures was completed. The task of the Altai mission – the introduction of culture into the Altai people without its assimilation by Russian settlers – was accomplished. Over time, the indigenous peoples of the Altai reached a fairly high level of cultural development and became part of the Russian state, and the

most important milestone in this historic path was the transition of ethnic Altaians from a nomadic to a settled way of life.

For citation

Romanenko K., Kreidun G.A. (2017) Osedlyi obraz zhizni kak osnova khristianizatsii korennykh zhitelei Altaya v XIX veke [Settled lifestyle as a basement of Christianization of Altai aboriginal people in the XIX century]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), pp. 107-120.

Keywords

Altai spiritual mission, baptizing, formation of settled lifestyle, missionary settling.

References

1. Altaiskaya dukhovnaya missiya v 1870 g. Predvaritel'nye svedeniya [Altai spiritual mission in 1870. Preliminary information] (1872). In: *Sbornik svedenii o pravoslavnykh missiyakh i deyatel'nosti pravoslavnogo missionerskogo obshchestva* [Collection of information on Orthodox missions and the activities of the Orthodox missionary society]. Vol. 2. Moscow: Gothier Publ.
2. Biiskii V. (Bishop) (1883). O missiyakh Tomskoi eparkhii Altaiskoi i Kigizskoi v 1882 godu [On the missions of the Tomsk diocese of Altai and Kigiz in 1882]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk eparchial sheets], 10, pp. 274-298.
3. Likhachev D.S. (2006) Velikaya kul'tura primiritel'na po svoei suti [The great culture is conciliatory in its essence]. In: Zapesotskii A.S. (ed.) *Universitetskie vstrechi. 16 tekstov* [University meetings. 16 texts]. Saint Petersburg, pp. 50-55.
4. Lityagin E.V. (2002) Ideologicheskaya sostavlyayushchaya Altaiskoi dukhovnoi missii i ee interpretatsii [The ideological component of the Altai spiritual mission and its interpretation]. In: Babin V.G., Nosov S.K. (eds) *Makar'evskie chteniya* [Makaryev's readings]. Gorno-Altai: Univer-Print Publ.
5. Makarii (1888) *Otchet ob Altaiskoi i Kirgizskoi Missiyakh za 1887 god* [Report on the Altai and Kyrgyz missions for 1887]. Tomsk.
6. Makarii (1891) *Otchet o Missiyakh Tomskoi eparkhii – Altaiskoi i Kirgizskoi – za 1890 god* [Report on the Missions of the Tomsk diocese – Altai and Kyrgyz – for the year 1890]. Tomsk.
7. *Missionerstvo na Altai i Kirgizskoi stepi v 1885 godu* [Missionary work in the Altai and the Kyrgyz steppes in 1885] (1886). Tomsk.
8. Skubnevskii V.A. (ed.) (2005) *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vekov* [Altai in the works of scientists and travelers of XVIII – early XX centuries]: in 4 vols. Vol. 1. Barnaul.

9. Yablonskii N.V. (1903) *Putevoditel' po Gornomu Altayu* [Guide to the Altai Mountains]. Tomsk: Levenson Publ.
10. Yastrebov I. (1898) *Missioner Vysokopreosvyashchennishii Vladimir Arkhiepiskop Kazanskii i Sviyazhskii* [Missionary his eminence Vladimir Archbishop of Kazan and Sviyazhsk]. Kazan.
11. Zapiski altaiskogo missionera za 1866 god arhimandrita Vladimira [Notes of the Altai missionary for 1866 by archimandrite Vladimir] (1872). In: *Sbornik svedenii o pravoslavnykh missiyakh i deyatelnosti pravoslavnogo missionerskogo obshchestva* [Collection of information on Orthodox missions and the activities of the Orthodox missionary society]. Vol. 1. Moscow: Gothier Publ., pp. 175-226.